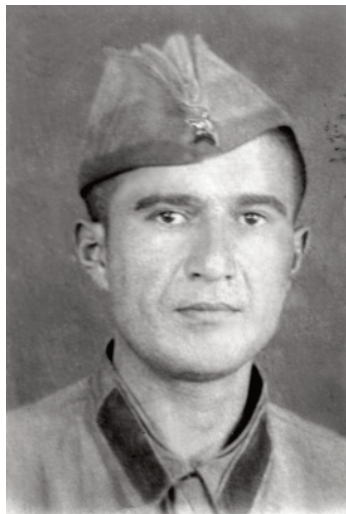

ЭНАР ГАДЖИЕВ

Моему отцу – гвардии рядовому Энверу Гаджиеву

*Отец мой не стяжал наград
В кровавом том бою,
Но он не отдал Сталинград
И отстоял Москву.*

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, МОИ ДОРОГИЕ!»

Письма с фронта

В нашей семье хранится драгоценная реликвия – это военные письма молодого человека, моего будущего отца. Пожелтевшие от времени треугольнички военно-полевой почты, стёртые на сгибах буквы, доносят до меня сквозь пороховой дым и разрывы снарядов негромкий, добрый голос родного человека, который, щадя чувства пожилых родителей, не упоминает сцен войны и боевых сражений, а лишь сообщает о своем здоровье и описывает великолепную природу, на фоне которой проходит его служба. А в это время Гаджиев Э., боец-прожекторист зенитного артдивизиона, был среди защитников Москвы, держа оборону в ближнем Подмосковье, затем участвовал в наступательной операции, в результате которой фашистские войска были разбиты и отброшены на запад. После отдыха и переформирования дивизия, теперь гвардейская, получила новую дислокацию, как стало известно позже – это был Сталинград. Но начну, пожалуй, сначала.

Итак, бакинские ребята, призванные в июне 1941-го, воинским эшелонам направляются в сторону Москвы. Энвер, находившийся с мая на военных сборах в Сальянских казармах, естественно, оказался в числе первопризванных, дата призыва в его красноармейской книжке – 22 июня 1941.

Несколько слов о семье Гаджиевых, тех, кому адресованы были письма с фронта. Глава семьи – Исмаил-ага, до революции имел собственное дело: торговый дом «Братья Гаджиевы» с отделениями в Керчи, Симферополе и Пятигорске, сам с семьей проживал в Керчи, в 1920 году все потерял, материальные потери воспринял достойно, без ожесточения, вернулся в Баку и стал работать простым советским служащим, отдавая свой опыт в финансовых учреждениях новой власти. Достоинство и порядочность считал главными ценностями в жизни.

Сидят Заида ханым, Исмаил-ага. Стоят Джевдет, Энвер, Сурайя, Джабир, Нури.

Хозяйка дома – Заида-ханым, хранительница семейного очага, происходила из духовного сословия, принадлежа к известному в Нухе (Шеки) роду Имам-заде. Кстати, у истоков этого рода стояла просвещенная женщина – Халиса Гары-заде, а ее внуком был известный просветитель и педагог XIX века Абдулгани Нухави, принимавший в своем доме в Нухе, в 1858 году, Александра Дюма, совершавшего путешествие по Кавказу. Заида-ханым была внучкой Абдулгани Нухави. Как говорили в семье, способности к музыке, рисованию, поэзии были унаследованы детьми от матери. А детей в семье было пятеро: Джабир, Сурайя, Энвер, Джевдет и Нури, самый младший, умерший в возрасте 12-и лет, любимец матери, ее неизбывная боль; говорят, он очень хорошо рисовал и писал стихи. Об остальных членах этой некогда большой семьи будет рассказано по мере чтения писем.

А теперь пусть говорят письма.

Письмо первое, отправлено из Махачкалы, с дороги.

10.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Мое самочувствие отличное. Очень жалею, что при отъезде не смог увидеть Мустафу. Сурайя и мама пусть особенно не беспокоятся, надеюсь еще вернуться к вам и обязательно невредимым и с победой.

К сожалению, времени мало, и потому письмо получилось коротенькое. Возможно, напишу еще раз с пути.

А пока всего хорошего, жду писем.

Ваш Энвер

(адреса у Энвера ещё не было, так что ожидание писем было просьбой на будущее, и вообще все эти письма без обратного адреса были сообщениями о себе для успокоения родных).

Письмо второе – с дороги.

11.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Жив и здоров, шлю вам свой сердечный привет. Скоро будем в Сталинграде. Напишу вам оттуда более подробное письмо. Может быть, придется ехать еще долго, тогда напишу еще два-три письма с дороги.

Обо мне, прошу вас, не беспокойтесь. Самочувствие мое отличное, питаюсь хорошо. Как только напишу вам с места назначения, прошу сразу же ответить о вашем житье-бытье, здоровье мамы, папы и детишек. Вашу заботу обо мне никогда и нигде не забуду.

А пока всего наилучшего, ждите писем.

Ваш Энвер

12.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам третье письмо с пути. Следуя вашим просьбам, по мере возможности буду стараться возможно чаще давать о себе известия.

Только прошу вас всех, в особенности маму, не удручать себя различными предчувствиями.

Еду спокойно, никаких происшествий по дороге не было и, уверен, не будет до самой Москвы. Мыслями и чувствами всегда с вами. Привет всем, целую детишек: Сеярку, Юзика, Антошку.

Как только будет возможность – напишу подробное письмо.

Ваш Энвер.

Примечание: Сеяра, Антошка (он же Джангир) – дети сестры Сурайи. Любопытна история имени Антошка. Трёхлетней Сеярочке её мама читает неприятный детский стишок:

***Я умница-разумница,
Знает об этом вся улица
И кот Антошка,
И я немножко.***

На вопрос дочки: «А где же кот Антошка?» мама похлопывала себя по округлившемуся животу. Так что когда мальчик появился на свет, несмотря на данное ему при рождении имени Джангир, он так и остался на всю жизнь Антошкой, Антошей, Антоном.

Юзик (он же Юсиф) – сын старшего брата Джабира.

14.VII.41

Здравствуйте!

Пишу вам четвертое письмо с дороги. Сейчас нахожусь на станции Грязи. Вероятно, числа 18-го буду в Москве. Привет вам всем, целую всех. Ждите дальнейших писем. Энвер.

Примечание: штемпель – ст.Грязи Ворон.обл.

16.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам пятое письмо. Привет всем, целую крепко, крепко. Сегодня утром прибыл в Москву; о дальнейшем своем местонахождении сообщу в следующем письме, когда будет известен мой точный адрес. Пока же ограничиваюсь тем, что сообщаю о своем полном здоровье. Как только будет возможность, разыщу своих старых друзей, если только они здесь.

Пока всего наилучшего, еще раз целую вас всех.

Привет Саибе, Февзи, Асабали, Алиашрафу и всем родственникам.

Энвер

Примечание: Перед войной Энвер закончил Московский институт гидротехники, ирригации и мелиорации им. Вильямса и надеялся, что кто-нибудь из однокашников пока еще в Москве.

19.VII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Жив и здоров, целую всех. Пока еще не имею окончательного адреса, поэтому не пишу его в своих письмах. Нахожусь уже 4-ые сутки в Сокольниках, в карантине, сегодня, наверное, поеду на место назначения. Небо Москвы защищают надежно. Здесь все спокойно, но я очень теперь беспокоюсь о вашей судьбе, и вообще, бог его знает, увидимся мы еще или нет?

Джевдет, береги маму, папу, на тебя теперь ложатся все заботы о семье, но что поделаешь.

Пока, всего хорошего.

Ваш Энвер

20.VII.41

Здравствуйте!

Пишу в теплушке, отправляясь на позиции. Погрузились на Савеловском вокзале. До этого колонной шли через всю Москву, по Садовому кольцу. Москвичи провожали нас молча. Старики, женщины, дети. Я с грустью вспоминал свои веселые студенческие годы. Эшелон идет на запад. Письмо, если удастся, отправлю со станции разгрузки.

Привет, родные мои, целую всех.

Я обязательно вернусь.

Энвер.

Примечание: штемпель на треугольнике: ст. Наро-Фоминск.

22.VIII.41

Здравствуйте, мои дорогие!

Вот уже два месяца, как идет война. Я догадываюсь, что не все мои письма доходят до вас. Но вы не беспокойтесь. Я нахожусь в дер. Бирюлево Наро-Фоминского района. Это – Подмосковье, здесь, рядом с нашим расположением, дачный поселок москвичей: речка Нара, березовая роща, сосновый бор. Левитан и Шишкин на одном полотне. Немного подкачала погода – идут затяжные дожди. Но я знаю, что в сентябре еще будут золотые денечки. Мое самочувствие отличное. Я ни в чем не нуждаюсь. Паек хороший, табак бесплатный. Что касается боевых действий, то на нашем участке спокойно. Правда, пролетают вражеские самолеты бомбить Москву, но наши летчики их встречают на дальних подступах и успешно сбивают. Я, в качестве бойца – прожекториста зенитного артдивизиона, также принимаю в этом участие.

А вообще, как вы понимаете, все это – глубокий тыл, и фронт от нас в нескольких сотнях километров (*святая ложь!! – примечание моё, Э.Г.*).

Больше всего меня беспокоит отсутствие известий от вас. Очень скучаю по племянникам, поздравляю с днем рождения Антошку. Передавайте привет всем родственникам и знакомым в Баку и Нухе.

Возможно, некоторое время от меня не будет известий, но вы не беспокойтесь – это связано с перебоями в работе почты.

Пока всего наилучшего, целую всех,

Энвер

Антошке-Джангиру 14 августа 1941 года исполнилось 3 года и, находясь на передовом рубеже обороны Москвы, Энвер не забывает поздравить племянника и это психологически очень верно для душевного спокойствия родных.

После этого вестей с фронта не было, и семья Гаджиевых с глубокой тревогой и надеждой жила ожиданием писем. Для того, чтобы читателю спустя много лет стали понятны трагедийные события битвы за Москву, я решил ввести в повествование исторический экскурс об этом, итак:

Битва за Москву

В конце июля 1941 года, по решению Ставки Верховного Командования начались работы по созданию многополосной Можайской линии обороны, проходившей в 120-130 км от Москвы и прикрывавшей столицу с западного направления.

Одновременно с возведением полосы укрепления на данном участке были развёрнуты войска в составе трёх армий, численностью более 40 тыс. чел., состоявшие, в основном, из дивизий народного ополчения. Всего было создано 25 дивизий народного ополчения.

Наступление на Москву было предпринято в конце сентября, после того, как силы вермахта смогли сломить сопротивление частей Красной Армии под Смоленском, а в середине сентября 1941 года был утверждён план наступления на Москву – операция «Тайфун». В результате немцы смогли глубоко вклиниться в тыл советских войск и окружить 4 армии под Вязьмой и 2 – под Брянском. В окружение попало более 660 тыс. советских солдат. Только героическое сопротивление дивизий народного ополчения и окружённых советских армий позволило сковать силы 28 немецких дивизий. Группа армий «Центр» имела в составе более 1 млн.чел., свыше 14 тыс. орудий и миномётов, 1600 танков и 950 самолётов.

В октябре в Москву были переброшены силы из глубины страны – из Сибири и с Дальнего Востока.

В этот самый сложный момент главнокомандующим Западным Фронтом был назначен генерал Г.К. Жуков. 8 октября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования отправила в штаб Западного фронта радиogramму, подписанную Сталиным: «Из-за неприхода окружённых войск к Москве Москву защищать нечем и нечем. Потворяю: нечем и нечем».

Было принято решение об эвакуации предприятий и правительственных учреждений, город перешёл на осадное положение. Но несмотря на это на Красной Площади 7 ноября состоялся военный парад, на котором с речью выступил Сталин. Войска с Красной Площади шли прямо на передовую.

Фраза политрука В. Клочкова: «Велика Россия, а отступить некуда – позади – Москва» стала девизом обороны.

Красноармейцы изматывали нападающих оборонительными сражениями. К концу ноября 1941 года немцам удалось взять Клин, и на этом их дальнейшее продвижение было остановлено. Передовые германские части утратили пробивную способность в силу того, что фронт растянулся. А начавшиеся холода стали причиной частых отказов техники. К ведению боевых действий в столь сложных погодных условиях личный состав вермахта был не готов. К 5-му декабря, когда фронт проходил порой в 25-30 км от московских окраин, немецкое наступление окончательно «забуксовало». Ставке Верховного Главнокомандования за это время удалось сформировать три новые армии. Они предназначались для нанесения удара по немецким войскам в тот момент, когда они будут максимально измотаны.

Ранним утром 6 декабря после массовой артподготовки началось советское контрнаступление. Планирование этой операции началось в середине ноября, руководил операцией генерал Г.К. Жуков, командовавший Западным фронтом.

К началу января 1942 года соединения немецких армий Группы «Центр» были отброшены на 250-300 км от Москвы. Освобождены Калинин, Калуга, Наро-Фоминск, Можайск и ряд других населённых пунктов.

Вермахт потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен более 600 тыс. чел.

Потери Красной Армии составили около 1 млн. чел. Всего этого рядовой красноармеец Гаджиев знать не мог, но он понимал, что с этого рубежа без приказа ему не сойти.

Через десяток лет отец, рассказывая мне о войне, объяснял, что письма, по причине секретности готовящегося контрнаступления, из укрепленного района осажденной Москвы отправлять не разрешалось категорически, потому что, попав в руки германской разведки и будучи проанализированы, они могли раскрыть планы советского командования.

И вот наконец оно, долгожданное письмо!

22. I.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Спешу сообщить всем!!! Я жив и здоров!!!

Был легко ранен, без госпитализации. Мое долгое молчание могу объяснить постоянными перебросками нашей части, а более подробно, может быть, сообщу в следующих письмах.

Погода морозная, сыплет сухим снегом, но не холодно. Мы движемся на запад поодному порядком уже полтора месяца, и только сегодня почта нас догнала, но постоянного адреса все еще нет. Очень жаль, потому что хочется вестей из дома. По дороге проходим мимо развороченной немецкой техники. Это результат работы наших артиллеристов и авиации. Спасибо им, идем, как на марше. Я тороплюсь отправить письмо – почтальон нас покидает.

Пока, всего хорошего. Целую всех.

Энвер

23.II.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Мама, папаша, Сурайя – Мустафа с детьми и Джевдет, если он в Баку. Первым долгом сообщаю вам, что я жив и здоров и прошу вас обо мне не беспокоиться. Пишу так, чтобы письма не задерживались, но все-таки идут, наверно, долго. Когда появится адрес моей полевой почты, можно будет и мне узнать срок доставки писем. Сегодня праздник – День Красной Армии. По этому поводу выдали доп. паек и наркомовские сто грамм.

Мы остановились в одной из деревень недалеко от Тарусы. Нам на смену подходят свежие части, чтоб продолжать гнать немцев, а нас отправят на отдых и перестроение. Мы изрядно подустали, но я окреп на морозе и даже поздоровел.

Целую моих дорогих племянников – Сейярочку, Юзика, Антошку.

Привет Алиашрафу, Алескеру, Умай, Афшан, Шафи, Шакир-даи с их семьями.

Пока, всего хорошего

Энвер

Примечание: Сурайя-ханым – сестра, врач-педиатр Мустафа – ее муж, доктор медицины, профессор.

15.III.42.

Здравствуйте, мои дорогие!

Поздравляю вас и себя с наступающим праздником. Вспоминаю, как все мы в прошлом году в это время сидели за столом, а смех и шутки не смолкали.

Уверен, что мы опять будем вместе, и Джабир будет с нами, но для этого надо с победой вернуться домой всем нам. Я жив и здоров. Наша часть находится на прежнем месте, но, похоже, что скоро будем менять место расположения. Места здесь хорошие, и люди к нам относятся тепло. К нам приехали операторы и показали кинохронику о событиях, участником которых я был. *(Вероятно, имеется в виду документальный фильм «Битва за Москву» – Э.Г.)*

Я очень надеюсь, что все вы здоровы. Я беспокоюсь о здоровье мамы. У меня все хорошо. Передаю привет родственникам и знакомым. Целую детишек.

Ваш сын Энвер

Примечание: штамп отпр. Таруса, Калужской обл.

20. IV.42

Дорогие мои родители – мама и папаша!

Длительное время не имея от вас известий, я пребываю в глубоком унынии, хотя прекрасно понимаю, что в этом нет ни вашей, ни моей вины. Спешу сообщить вам, что здоровье мое отличное. Нашу часть перебросили на другой участок фронта, и мы ведем затяжные оборонительные бои.

В бинокль наблюдаем передовые позиции противника, наши траншеи хорошо укреплены, а отдыхаем мы в землянках, крытых тесом в три наката (это крепкое военно-инженерное сооружение, выдерживающее прямое попадание снарядов).

Я сейчас из такой землянки пишу эти строки, а перед моими глазами проходят ваши родные лица, а по гостиной и по веранде бегают хохочущие детишки.

Передавайте всем мой большой привет.

Обнимаю, целую Сейярку, Юзика, Антошку.

Энвер

10.V.42

Здравствуйте, мои дорогие

Сурайя, Мустафа и дети!

Спешу сообщить вам – я жив, здоров. На нашем участке идут позиционные оборонительные бои. Прямо в укреплениях, в траншеях зачитывали праздничный Первомайский приказ Сталина, в котором Красной Армии ставится задача в течение текущего года изгнать немецких захватчиков с нашей земли.

Я думаю, что так и будет. Наше дело правое – победа будет за нами.

А повсюду весна. В окопах и блиндажах из каждой щели растет трава и даже маленькие кустики.

В Баку, наверное, совсем тепло. Девушки ходят в легких платьях. Сурайя, если увидишь Таировских девочек, передавай от меня большой привет Асюше. Скажи ей, что я помню наш последний разговор.

Обними за меня маму и папу.

Поцелуй детишек.

Твой брат Энвер

Примечание автора публикации: Письмо адресовано сестре Сурайе, перед войной Энвер познакомился с Асией Таировой и вплоть до ухода на фронт встречался с ней, Асюша обещала ждать. У Аси было две сестры: старшая – Лейла и младшая – Валида, Лиля и Валюша. Лейла Таирова закончила медицинский и работала педиатром под руководством опытного детского врача – Сурайи Гаджиевой, т.е. она была в курсе сердечного увлечения брата. У сестёр Таировых была своя печальная история. Тридцать седьмой размазал своим сапогом и эту семью. Отец девочек – Юсуф Таиров – был расстрелян в январе 1938, а мать – Мариам Таирова – была арестована 31 декабря 1937г. и сослана на долгие семнадцать лет, как оказалось потом, на один из островов Архипелага Гулаг – ИнтаЛар

1.VII.42

Здравствуй, Джевет!

Я жив и здоров. Самочувствие хорошее; в прошлом письме я написал вам свой адрес. Повторяю его еще раз:

Москва, 164, почтовый ящик 3718, подразделение 12.

Живем хорошо, вот только погода подкачала: со дня приезда в Москву все время идут дожди. Я ни в чем не нуждаюсь. Паек здесь хороший, табак выдают бесплатно. Денег мне присылать не надо, потому что все равно на них нечего покупать.

К сожалению, я не смог еще связаться письменно со своими и твоими друзьями по Москве. Сегодня напишу, если будет время, письма Асабали и в Кучино.

Пока, всего хорошего. Целую всех.

Энвер

Примечание: письмо адресовано младшему брату Джевдету – в будущем выдающемуся азербайджанскому композитору, автору оперы «Вэтэн» (совм. с К. Караевым), симфон. поэмы «За мир», 9-и симфоний и целого ряда музыкальных произведений малых форм. Он был дважды удостоен Сталинской премии, являлся кавалером высших советских и азербайджанских орденов, Асабали Ибрагимов служил во время войны порученцем генерала Грачёва, личного пилота Сталина. Кучино – пригород Москвы, где во время учебы в Московской Консерватории снимал комнату Джевдет.

Слева направо Джевдет Гаджиев, Асабали Ибрагимов, Кара Караев

19.VII.42

Здравствуйте, мои дорогие!

До сих пор не имею от вас ни одного письма, я же за это время написал довольно много писем вам, не знаю, чем объяснить ваше молчание, очень беспокоюсь о здоровье мамы, папы. Некоторые из моих товарищей-бакинцев уже получили ответы на свои письма. Правда, таковых мало, двое или трое, и я поэтому успокаиваю себя тем, что мои письма идут медленно.

Получил от Асабали ответ на свое письмо и написал ему вторично, чтоб он перед отъездом в Баку увиделся бы со мной, но пока что он не приехал, очевидно, ему не дали отпуска. Получил также ответ от Анны Даниловны (*Анна Даниловна – квартирная хозяйка брата Джевдета во время его учёбы в Московской Консерватории*). Но я жду с нетерпением писем от вас, вполне естественно, поэтому прошу вас возможно чаще писать мне. Я нахожусь сейчас в другой деревне, но адрес мой тот же: Москва, 164, почтовый ящик 3718, подразделение 12, Гаджиев Э.И.

О себе могу сообщить, что жив и здоров, ни в чем не нуждаюсь (за исключением ваших писем). Скучаю по детишкам (целую Сейярочку, Юзика, Антошку), пусть ждут своего дядю Васю с победой и скорым возвращением в Баку. Привет всем родственникам и знакомым. Ну, пока всего хорошего. Берегите маму – пусть не очень грустит, не треплет свои нервы. Я оставил папу больным – как он сейчас себя чувствует? Напишите обо всем. Ваш Энвер

P.S. Если маме по состоянию здоровья необходимо длительное лечение, то, конечно, лучше всего ей будет в Нухе, за зиму она там хорошо поправится.

26.VII.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Получил первый ответ от Джевдета на мои письма, несказанно обрадовался всему-всему – тому, что вы все здоровы, работаете, помните меня, собравшись вечером за нашим традиционным столом. Я живо вспоминаю всю обстановку, кто где сидит, и мне делается очень приятно на душе, детишки, их шум и гомон стоят в ушах, как будто я сам там же нахожусь вместе с вами. Ну, я думаю не за горами день, когда мы все-все – и Джабир, и я, и вы все встретимся за этим же столом, и будем вспоминать грозные дни 1942 года.

Привет вам всем, мои дорогие, целую всех.

Ваш Энвер

Примечание: Джабир Гаджи-заде, старший брат Энвера, стал жертвой репрессий 1937 года, в ответ на запросы НКВД отвечал: сослан на 25 лет без права переписки, а на самом деле он был расстрелян 4.01.38 года.

17.IX.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Чем объяснить ваше столь длительное молчание, не могу понять. 10.IX.42 послал две телеграммы: вам, одновременно Алескеру с просьбой сообщить ваше местонахождение (я уж думаю не выехали ли вы куда-нибудь). От Алескера получил ответную телеграмму, и я немного успокоился, но почему-то от вас все-таки нет ответа. Пусть Джевдет, как только получите это письмо, напишет ответ, если возможно, воздушной почтой. Адрес мой прежний.

Как здоровье мамы, папы? Пусть мама также напишет мне. Очень жду ваших писем, хоть несколько строк. Ваш Энвер

Сообщите адрес Сурайи, я его утерял и не могу вспомнить.

2.X.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Привет. Целую всех. Вашу телеграмму, а также письмо папы от 6 сентября получил 24. IX. Очень рад, что все вы здоровы, работаете, как и раньше, особенно рад за Джевдета и его оперу. Как только будет поставлена на сцене, напишите мне. Я жив и здоров. Недавно написал вам письмо, а также Сураиye и Мустафе. Пусть Сурайя также напишет мне пару строк. Привет всем родственникам, целую детишек.

Отдельный привет Алескеру, Ашрафу, Шакир-даи, Ширин-ханым и их семьям. Пока, всего.

Энвер

На днях вышлю вам свои фотокарточки, вышлите также мне ваши.

3.X.1942

Здравствуй, Джевдет!

Привет всем. Целую. Получил письмо папы от 6.IX, а также вырезку из газеты, где сообщается о подготовке к постановке твоей и Карика оперы (см.комм.к письму от 1.07.42). Как жаль, что я не могу присутствовать в этот день вместе с вами и радоваться твоему успеху.

Я служу все там же, здоров, не болею, даже несколько пополнел. Пользуясь случаем, снялся и вот посылаю вам свои фотоснимки. Как жаль, что при отъезде я не захватил с собой ваших карточек, ведь возможно, что мы нес скоро еще увидимся.

Нахожусь я недалеко от гор. Пушкино Моск. обл. в Новой деревне. Когда-нибудь, после победы, может быть, мы проведем здесь дачный сезон всей семьей, здесь прекрасная природа.

Как только будет поставлена ваша опера, пришли мне обязательно отзывы и др. заметки, касающиеся музыкальной жизни Азербайджана.

Недавно мне посчастливилось прослушать Седьмую симфонию Шостаковича (первую часть и финал) по радио в исполнении оркестра Радиокomiteта под управлением Элиасберга.

Мне очень понравилось, я слушал, оцепенев, со слезами на глазах, горло перехватывало. Эта симфония – оптимистическая трагедия! Это – увертюра Нашей Победы!

Джевдет, как только у тебя будет свободное время, напиши мне. Целую детейшек, Сурайю, Мустафу.

Привет всем родственникам – Алескеру, Ашрафу, Шакир-даи Шафи, Абдулкериму, Саибе и другим.

Пока, Энвер

9.XI.42

Здравствуйте, мои дорогие!

В последний раз я вам телеграфировал из Рязска, проездом на новое место службы. Еще до того я послал телеграмму из г. Москвы. За это время я очутился далеко от Москвы, да и к вам неблизко.

В настоящее время нахожусь *(далее зачеркнута строчка)*

Живем в избе одной колхозницы, со мной несколько ребят из Азербайджана. Хозяева дома очень хорошие люди. Отношение к нам великолепное!

Уже наступили морозы. Выпал первый снег. Чувствую себя хорошо, обо мне не беспокойтесь.

Как вы живете? Как дела у Сурайи, Джевдета, Мустафы? Недавно в газете «Правда» (кажется, от 24 или 25 октября) прочел заметку, написанную Гаджибековым.

Там упоминается о Джевдете и его работе над новой оперой. Кроме того, недавно получил письмо (еще будучи в Москве) от Асабали. В его письмо было вложено также и письмо Джевдета. Узнал, что Карик болен. Как теперь его здоровье?

Немного о своей службе. Все время я был под Москвой. Недавно нас расформировали, и вот в настоящее время нахожусь в одной из гвардейских стрелковых частей. Пока ничего о себе сообщить не могу.

Пишите мне письма по следующему адресу:

Полевая почта 2144, часть 240, гвардии кр-цу Гаджиеву Э.И.

Перед отъездом из Москвы был у Муси, провел у них вечер, переночевал. Вспоминали прошедшие дни 30-х годов. Я оставил у Муси наш адрес, она напишет Сурайе. Таким образом, еще одна памятная дата ко многим, не менее памятным.

Как здоровье мамы, папы? Как детишки? У хозяев избы трое внуков. Из них младший, Ваня, такой же шалун, как Юзик, глядя на него, всегда вспоминаю Юзика. Не болеет ли он? А как Сейярошка и Антошка? Как бы хотел я видеть их и всех вас, мои дорогие. Думаю, что скоро увидимся, когда вернусь к вам с победой!

Пока, всего хорошего. Жду ваших писем.

Ваш Энвер

18.XI.42

Здравствуйте, мои дорогие!

Нахожусь все там же – село Бобылевка Саратовской обл. Моя жизнь бойца-прожекториста закончилась. Теперь я – стрелок, зачислен в одну из гвардейских стрелковых частей. Нас всех обмундировали на славу: теплые ватные брюки, куртка, меховая шапка-ушанка и т.д. Очевидно, после окончательного сформирования вновь выступим в поход на передовые, но на какой именно фронт – пока не знаю. Чувствую себя хорошо, правда, некоторое время болел гриппом, но сейчас выздоровел. За время с 9.XI был в командировке. Ехал туда больным, выздоровел по дороге – это просто удивительно – в холодных вагонах с бесконечными пересадками и ночевками где попало. Но организм человека – это чудо, он может выдержать любые испытания. А был я в командировке недалеко от Воронежа. Я теперь знаком с рядом областей – Саратовская, Тамбовская, Воронежская. Куда еще загонит меня судьба – не знаю, но я чувствую себя крепко и уверен, что рано или поздно мы увидимся. Как вы живете? К сожалению, в прошлом письме и в телеграмме я указал не совсем правильный адрес.

Мой окончательный адрес: Полевая почта 2144, часть 220.

Если представится возможность, pošлю телеграмму. Жду от вас писем, хоть и знаю, что слишком трудно получить ответ в теперешних условиях.

Целую вас всех. Буду стараться писать вам возможно чаще.

Привет всем родственникам и знакомым.

Энвер

22.XI.42

Здравствуйте, мама, папа, Джемдет, Юзик!

Пишу вам третье письмо после прибытия на новое место службы. Не знаю, получили ли вы эти письма, кроме них я отправил вам телеграмму.

Вчера мы снялись из села, в котором находились последнее время. Сегодня отправляемся на фронт, пожелайте мне всего наилучшего, чтобы целым и невредимым после нашей Большой Победы вернуться мне к вам и зажечь новой, счастливой жизнью. Есть у меня большая вера в это и настоящая воля к жизни, которые дают мне возможность вынести все испытания, а их уже за это время было немало: и много бессонных ночей при обороне Москвы, и переходы в морозные ночи по колено в снегу, и бесконечные переезды с места на место, но, конечно, главные трудности и испытания еще впереди.

Но, как говорят, «перемелется – мука будет», пройдем через все. Прожил я не так много, прожил, пожалуй, бестолково, сейчас, когда вспоминаю отдельные поворотные этапы своей жизни, делается на душе не совсем приятно, но я ни о чем не жалею, ведь это были весна и лето моего «Я». А теперь глубокая осень. Надо пройти через все. За это время я видел много людей, узнал еще больше, люди всегда лучше, чем о них думаешь. Большая любовь у наших людей к нам, бойцам, где бы мы ни были, нас радушно принимают, обогревают, проявляют всяческую заботу.

Вот, например, вчера ночью, по пути на станцию, остановились в деревне, нас разместили по домам. Семья сразу взялась за нас: тут и обогревание, и подсушка портянок, и угощение по принципу «чем богаты, тем и рады» – тут и пышки, и печеная тыква, и картошка в мундире, и семечки – и все это от чистой души – никто не заставляет, никто не принуждает. Это – любовь к своим бойцам, ведь у каждого кто-нибудь на фронте. Я думаю, и вы так поступаете. О чем еще писать? Да, пожалуй, всего в одном письме не уложишь. Будут свободные часы – напишу.

До скорого свидания.

Энвер

22.XI.42

Здравствуйте, мои дорогие Сурайя, Мустафа и дети!
Сейярочку, Антошку, целую 1000 раз!
Не знаю, скоро ли мы увидимся, но каждый раз, когда я представляю себе нашу встречу, этот момент преломляется во мне, как огромный радостный праздник. У Маяковского это получилось так:
«...Там, за горами горя,
Солнечный край непечатый.
За голод, за мора море
Шаг миллионный печатай...»
Отправляюсь на фронт.
Не прощаюсь, а произношу лишь – До Свидания!
До хорошего свидания, мои дорогие!

Ваш Энвер

Привет Ами, Хала и Мамеду.

Комментарий к письму: Уважаемый читатель этих строк, цитата из ныне непопулярного «Левого марша» очень естественна для автора письма и чувств, охвативших его в эти минуты.

Здесь стоит отметить, что Энвер Гаджиев был с юности и до последних дней жизни влюблён в поэзию Владимира Маяковского, Бориса Пастернака и Эдуарда Багрицкого. Он мог часами читать наизусть стихи этих поэтов, а также Пушкина и Лермонтова. Очень любил восточную и современную азербайджанскую поэзию: Самеда Вургуня и Расула Рза. В последние годы не расставался со сборником газелей Вахида. Своё влюблённое и трепетное отношение к поэзии, как к чистому роднику, Энвер передал своим сыновьям – Энару и Эльдару.

Это было последнее письмо гвардии красноармейца Энвера Гаджиева с фронта. Он участвовал в окружении армий фельдмаршала фон Паулюса под Сталинградом, и это были тяжёлые кровопролитные бои. В одном из сражений, 17 декабря, Энвер был тяжело ранен. В полевом медсанбате, 2 января, в связи с гангреной и угрозой общего заражения ему ампутировали обе голени ниже колен. Последующие письма приходили в Баку из госпиталей: полевого передвижного медсанбата, затем из стационарных – армейских и фронтовых – и, наконец, тылового в Казани. Я приглашаю возможного читателя обратить внимание на содержание и тон этих писем – ни в одном из них нет ни слова, ни намёка, что пишет человек без ног! Да, без ног, сказал бы я, но с красивой и доброй душой, светлыми и чистыми мыслями и настоящим мужским характером.

А теперь обратимся к воспоминаниям Гаджиева Энвера, опубликованным в 1975 году во Всесоюзном отраслевом журнале «Гидротехника и мелиорация», в выпуске издания, посвященного 30-летию Победы. Эти записки дополняют картину событий Сталинградской битвы, рассказывают о деталях, о которых нельзя было писать в письмах с фронта.

Из воспоминаний:

«С мая 1942 года нас переформировали и направили в Саратовскую область, где была сформирована 41-ая Краснознамённая гвардейская стрелковая дивизия, в частях которой я продолжил службу на передовых позициях Донского фронта.

Нашу дивизию направили на участок фронта, который назывался тогда «Среднее течение Дона», помню, это было в конце ноября – начале декабря 1942 года.

Роту, в которой я воевал, перебросили в числе передовых подразделений 41-ой дивизии на плацдарм («малую землю») на правом берегу Дона. Нашей роте дана была задача разведать боем, т.е. демаскировать ДОТы и ДЗОТы и прочие огневые точки противника на высотах, прилегавших к нашему плацдарму. Мы разведали эти точки, заставив противника, открывая огонь, проявить себя и после мощного артобстрела подоспевшие части нашей дивизии и другие соединения Красной Армии подавили огневые точки и укрепления противника, разгромив и прорвав их оборону, и таким образом послужили одним из десятка звеньев, окруживших фашистскую группировку войск под Сталинградом.

17 декабря 1942 года я получил ранение тяжёлого характера и был доставлен по карточке передового района вначале в медсанбат, оттуда в ППГ, а затем в эвакуационный госпиталь».

Очень буднично и без пафоса вспоминает автор о грозном и кровавом сражении, в котором погибло и получило тяжкие ранения больше половины роты. Сначала по ним стреляли из огневых точек противника, а затем своя артиллерия накрыла огнём эти укрепления, конечно, стреляя по верх головы своих солдат, но...

А теперь снова письма, но теперь из госпиталей.

Первое письмо из полевого передвижного госпиталя (медсанбата) села Нижний Мамон Воронежской области написано через две недели после ампутации ног, о чём даже полслова или намёка нет ни в первом, ни в последующих письмах из госпиталей.

15.I.43 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Не имея от меня давно писем, вы, естественно, очень беспокоитесь, но в своём последнем письме я предупреждал вас, что вестей от меня частых ждать не придётся.

Я жив, нахожусь на излечении в полевом госпитале. Дело идёт к медленному, но неуклонному выздоровлению. Очевидно, в скором времени эвакуируюсь в стационарный госпиталь в каком-либо городе, а пока нахожусь в селе Нижний Мамон (*далее зачёркнуто*). В последний раз писал вам перед отправкой на Донской Фронт из Романовки, не знаю, получили ли вы то письмо.

За это время я участвовал в 4-х боях. Из газет вы знаете о направлении (*далее зачёркнуто*). Это были жаркие сражения. Мы здесь успешно гнали и продолжаем гнать фрицев.

Не знаю, дойдёт ли до вас это письмо, так как здесь почты нет, а лишь через случайную оказию. Пока, всего, целую всех, напишу подробнее из стационарного госпиталя.

Ваш Энвер

P.S. По моим расчётам, к концу мая месяца я уже буду в Баку в отпуску. Как видите, ждать осталось недолго.

Следующее письмо уже из стационарного госпиталя г. Пенза

Sevgili anam, atam və uşaqlar!

Bərk, bərk öpüp qucaqlıyırım. Çox zamandan bəri sizi görmədiyim üçün hər bir dəqiqə, hər bir saat siz mənim fikrimdən çıxmırsınız. Digər tərəfdən sizdən bir xəbər olmadığına görə olduxca darıxıram, onunda səbəbi mənim tez-tez yerimin dəyişilməsidir. Əlbəttəki bir hospitalda çox vaxt qalsa idim sizdən cavab ala bilərdim. İmdidə məni Penza şəhərindəki hospitalların birisinə evakuasiya ediblər. Bilmirəm burada neçə vaxtı qalacağam.

Mənim halımı xəbər alsanız – allaha şükür – imdi lap yaxşıyam, get-gedə halım yaxşılaşır. Məndən nigaran olmayın, hər halda mənə bir məktub yazın, ola bilsin ki mən buradan xaric olanacan, məktubunuz mənə yetişib çatar. İmdiki adresim budur:

гор.Пенза, в/ часть 280, школа №4, 1-ое отделение

Sürəyyə, Mustafa, Səyyaroçkaya, Çahangirə, Miroçkiyə, Məhəmmədə, əmiyə və xalaya çoxlu salamlar, hamını öpüp, qucaqlıyırım. Sizin Ənvər

Перевод:

Любимые мои мама, папа и племянники!

Крепко-крепко целую, обнимаю вас. Оттого, что долго вас не видел, каждую минуту, каждый час я думаю о вас. Кроме того, я очень соскучился, не имея от вас известий, причиной же этого являются мои постоянные перемещения. Конечно, если бы я длительное время находился в одном госпитале, я мог бы получать от вас ответы.

В настоящее время меня эвакуировали в один из госпиталей Пензы. Не знаю, сколько я здесь пробуду. Что касается моего здоровья – слава аллаху, сейчас я в очень хорошем состоянии, и постепенно моё здоровье улучшается, обо мне не беспокойтесь, во всяком случае, напишите мне письмо, может быть, пока меня отсюда не переведут, ваше письмо догонит меня. Вот мой нынешний адрес:

гор.Пенза, в/часть 280, школа № 4, 1-ое отделение.

Далее следуют приветы родственникам.

Комментарий к двум последним письмам

Много лет спустя, вспоминая эти грозные годы, отец рассказал мне и об ампутации, и о полугодовом излечении в различных госпиталях. Мне было 12-13 лет, и для меня во внешнем облике отца на протезах не было ничего необычного – я его другим не знал и не видел. Я слушал его, широко раскрыв рот, но не более того. Меня больше восхищали рассказы о переходах по колено в снегу вдоль линии фронта, о рейдах в тыл врага, которые отец называл «разведка боем», о боях по замыканию кольца армии фельдмаршала фон Паулюса, в одном из которых, вблизи хутора Новый Лиман, излучины среднего Дона, 17 декабря 1942 года отец был тяжело ранен, шёл 544 день войны, но для отца война уже закончилась.

Осколком мины ему оторвало ступню правой ноги, и пока он ползком двое суток добирался до своих, отморозил и пальцы левой ступни. Первая помощь отцу была оказана 19 декабря в М.С.Б (медсанбате), где были обработаны раны на ногах – удалены раздробленные остатки правой ступни и пальцы левой ступни, обмороженные и почерневшие.

Лишь через много лет я понял, что настоящий подвиг отца – это вся его дальнейшая жизнь, а начало этого подвига – его письма из госпиталя, ни в одном из которых он не говорит о тяжести своего ранения. Лишь в первом письме из госпиталя он вскользь сообщает, что будет в Баку в отпуску.

Продолжим читать письма:

20/III-43

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам третье письмо из Казани. Первое было отправлено 4/III, вероятно, вы уже написали на него ответ, но пока что, на сегодняшний день, я не имею от вас никаких известий – жду с величайшим нетерпением.

Чувствую себя отлично. Раны заживают – в общем, всё идёт нормально. Как дела у вас? Прошу в своих письмах подробнейшим образом описать всё, что касается семьи после моего отъезда. Как дела у Джевдета? От него жду отдельного письма.

Если он в армии, перешлите мне его адрес. Как Сурайя, Мустафа, дети? Не болеет ли мама? Как здоровье папы? Он ведь болел, когда я уезжал.

Ходят ли Юзик и Сейярка в школу? В общем, опишите всё. Имеете ли вести от Февзи, Асабали и других ребят? Как живут Саибе, Мамед-ага, Гасым-ага, Пепе-джи, Ширин-ханым и их дети? Всем им мой большой привет.

Что слышно о моих товарищах по работе? Обо всём этом напишите. Если Джевет дома – пусть напишет о своих музыкальных делах. Как его опера? Привет Карику (*Карик – это друг Джевдета, выдающийся композитор – Кара Караев*).

Жду также отдельного письма от Сурайи.

Пока, всего хорошего. Целую всех. Энвер.

Обр. адрес: гор. Казань, 21, часть 70

Комментарий к письму: Вероятно, первые два письма просто не дошли до Баку, такое бывает не только в войну.

10/IV-43

гор. Казань, 21, часть 70.

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу вам четвёртое письмо из Казани, к сожалению, до сих пор не имею от вас никаких вестей.

Очевидно, письма идут очень медленно. Писать письма, не получая на них ответа, очень трудно, не знаешь даже, о чём писать.

Как вы все живёте? Здоровы ли? Как мама и папа?

Как дела у Джевдета, Сурайи, Мустафы? Жду от всех них письма.

Что же касается меня, то я поправляюсь, чувствую себя хорошо, но ввиду медленного застывания ран на ноге предстоит ещё маленькая операция на этих днях. После этой операции заживление пойдёт значительно быстрее.

Можно было бы и не оперироваться, но это исключительно в моих же интересах и сократит срок лечения месяца на полтора. В общем, чувствую себя хорошо. Только пишите почаще письма. Привет всем, всем. Целую детишек.

Ваш Энвер

Комментарий к письму: предстоящая операция, о которой пишет отец – это ещё одна ампутация обеих ног на середине голени в связи с опасностью гангрены.

Для того, чтобы сохранить хронологию и порядок переписки, я включил в свою документальную сагу письмо деда от 25/IV-43 года, не меняя стиля и орфографии его письма, которое Энвер получил 21/V-43.

Итак, Исмаил-ага пишет сыну Энверу.

Дорогой мой любимый сын Энверь!

Мы всей семью с родственниками и знакомыми живы здоровы жидомъ с безъ граничнымъ трепениемъ твой приездъ, мы кагда получили твой писемъ прошлый годъ отъ 22 ноября что ты писалъ выступишь в походъ едишь снова на фронт после того прошло падрядъ три месяцы не палучилъ некакихъ письма и известия а патаму мы на-ходилис в плачевнымъ состояние.

Наконецъ твой 1-й письмо отъ 15 января 43 года мы палучили в канцу февраля из полевой госпиталя, радость нашъ былъ безъ гранично тотъ дня у нас былъ большой праздникъ, после таго чрезъ каждый месяца или сорокъ дня прашло мы палучили тваи письма т.е 3 письма изъ города Балашова, один письмо изъ гор.Пенза, три письмо изъ гор.Казань (*прим.составителя: 3 письма из Балашова и 2 письма из Казани не сохранились*). Теперь дорогой мой Герой сынъ Энверъ мы совершенно спокойно ждомъ с большой нетрепениемъ твой приездъ в Баку.

Теперь пишу тебя что как мы живемъ: у насъ не какой изменение не прашло. Джевдетъ имеетъ бронь, так как он пишеть опера подъ называниемъ «Родина» (Вэ-тэнь) и работаетъ фларамоние руководителемъ художественнымъ частемъ, акладъ жалованя два тысяча рублей месяць.

Кроми таго прикипленъ в продактовы магазинъ, палучаемъ по душовый цена всей не обходимы продакты, живемъ нечего, Сурая и Мустафа работаетъ на при-ждномъ месте.

Алиаскеръ и Алиашраф тоже, Магомедъ, Касумъ, Саиба тоже в Нуху, Юзикъ нашъ любимый, с прошлаго года начало октября, Шура (*прим. составителя: Алек-сандра – жена Джабира, мать Юзика, сосланная как член семьи изменника родины в 1937 году, пять лет отсидела в ПотьмаЛог, в Мордовии, в 1942 году освобождена без права проживания в столицах и крупных городах, поселилась в Кировобад\ Гяндже\, работала медсестрой в госпитале*) приехала и взяла собой Юзика в Кировобад, мы хотим к твоему приезду привозить в Баку. Как тебе известно, Асабали находится в Москве (*см. примечание к письму от 01.07.42*), он былъ начало февраля в Баку и Нуха, отъ него часта палучаемъ письмо.

Фовзи находится в Калининском область в гор.Торопецъ, а Мабуд в Ивано-Воз-несинскомъ область, получаем письма (Февзи и Мабуд – двоюродные братья, оба воен.врачи, хирурги во фронтовых госпиталях), твой дядин сына Абдуль Керима три сына в Армия: старший сына уже пачти полтара года прашло – нетъ известия, вто-рой сынъ в Эриване, третий сынъ в Кубани а дядя твой Хакки с начала войны нетъ известия, братъ Асабали Тофикъ находилс в Литве с началъ войны – нетъ известия, Юсифъ сынъ Ширали – онъ былъ Баку прошлый годъ – его отправили в Севастополь – до сихъ поръ отъ него нетъ известия, мужъ Инаят, т.е. дочь твоей Дерё биби, Ханъ-Мамедъ находилъ прошломъ году в Керчи, былъ ранинь, приехалъ Баку, лечилъ в госпитали, выздоровиль – отправили в Тифлисъ, такъ онъ тамъ.

Твой товарищи по службе все в Армия, где как не знаю. Мой Дорогой Энвер со-общу тебя что я послал тебя две посылки в январе 12-го по Адресу полевая почта 2144, часть 220. 1 посылка весомъ 6 килограмма 430 грамма

2-я посылка весомъ килограмма.

1-й посылке находится

2 Банки мясная консервы 1 Банка топлено масла кг прибизително гогарга т. е. жаринный пишница с кишмишомъ и Арехомъ смешено

1 пар. теплой обмотка

1 пар.щерст. носок

(Энвер не сообщал домой об ампутации, поэтому в посылке тёплые обмотки и носки)

1 пар. шерст. перчатки
Во 2-м посылке находится:
1шт. телогрейка
2 кило домашний халва 1 бутылка конякъ
1 карубка канфеть 200 граммъ табакъ

Посылки этихъ посланъ чрезъ твоего учреждения на твой как подарокъ отъ твоего учреждения патаму что индивидални пасылки почта не принималъ ты старайся ихъ получить ты можий ли обрататся по тому адресу что тогда ты числился ? Я начало апреля посылалъ две телеграммы с ответъ уплаченнымъ гор.Пенза и сообщалъ тебе на счетъ эти посылки и посылалъ письмо по адресу каторые ты намъ сообщилъ, вероятно ты начало апреля эвакуировался в Казань, я в том письме тоже написалъ подробно все. Мой дорогой сын Энвер ждуть с не трепениемъ тебя, я приметиль девашки для тебя женется, как приедий буду тебе женится выберишь какая тебе паниравится. Одной имя Шукуфа, другая Азиза, свадьба буду устуруеть не поже начало июля 43 год, т.е. в этотъ годъ мы ждомъ тебя. Мы думаемъ что ты приедий по Вольгу чрез Астарханъ – эта дорога билиже или чрезъ Чикалово – Ташкентъ – Красноводскъ – Баку. Однимъ словомъ старайся поскорее мой герой дорогой сынъ за тобой силно скучаем. Еще пишу что Мустафа Бейтулаев при тебе как его атправили в направлении Сибирь такъ досих поръ онъ тамъ работаетъ, писемъ Айша от него ни получаеть.

Я канчаю письмо, кажится ты будийшь ужъ удовольтеронъ этомъ письма осталное как и что приедийшь узнаешь.

Пака. Досвиданя мой любимый Герой дорогой сынъ.

Все наши родствинники и изнакомы тебя приветствуетъ кланится пожелаеть твой скорого выздоровленя и приезду в Баку.

Тебя безгранично любящий отец Исмаиль

Апреля 25-го 1943 год.

Хочу еще писать что отъ тебя письмо доходить до насъ 40 дня или 11/2 месяца. Сегодня я посылалъ Казань телеграмма срочно, сообщилъ тебе наши здоровья и адресу куда посланъ две посылки, старайся ихъ получить.

Забиль тебе написать что Сеярачка и Антоша здаровя хороший растеть асобинно Антошка большой, ростомъ отецъ пахоже.

Мама твой была все веремя больная какъ ана узнали что ты едийшь на фронтъ ана все веремя была не здарова теперь ея харашо. Не было трехъ месяць отъ тебя письмо ана подумала что с тобой не харашо случился ...

Какъ твою перваю писемъ получила ана успакоилас и начала выздороветь.

Последние строки письма Исмаил-ага – это как бы дополнение к основному тексту, но в нём самое главное для сына – несколько слов о здоровье матери.

Следующее письмо отправлено Энвером ещё до получения письма от отца.

4 мая 43 г. Казань.

Здравствуйте, мои дорогие!

Вашу телеграмму получил 28 апреля, но писем от вас до сих пор не имею. Здоровье мое хорошее, операция, как я вам уже писал, прошла благополучно, всё идёт хорошо. Скоро буду ходить. Думаю, что месяца через два выпишут из госпиталя, таким образом, увидимся в самом ближайшем будущем.

Только отсутствие от вас подробных писем меня беспокоит.

Джевдет! Прошу тебя почаще писать мне.

Здесь есть ещё бакинцы. Один из них регулярно получает письма примерно через месяц со дня отправки, а другой, семья которого живёт в Баладжарах, также до сих пор не получает писем. Думаю, что на днях уже должен получить от вас новое письмо.

Как здоровье мамы, папы? Как детишки? Обо всём напишите подробно. Посылок, к сожалению, не получил. Ну, не беда!

В Баку, наверно, уже жарко. Здесь погода пока переменчивая, но уже выдаются и солнечные денёчки. В общем, всё идёт к лучшему. Вот разобьём скоро проклятого немца и заживём тогда новой, хорошей жизнью, как до войны.

Пока всего хорошего, жду ваших писем.

Ваш Энвер

А следующее письмо – ответ на письмо отца:

Здравствуйте, папаша!

21 мая 43г.

Ваше письмо от 25 апреля 43г. получил сегодня и очень обрадовался, что наконец-то подробно описали всё положение семьи и каждого в отдельности. Я очень беспокоился, не зная о том, как вы живёте, каково ваше материальное положение, как здоровье всех, теперь я спокоен относительно всех этих вопросов и также, как и вы, с нетерпением жду окончательного выздоровления, чтобы приехать в Баку.

Как я уже вам сообщал в предыдущих письмах, была операция, прошедшая благополучно, чувствую сейчас себя отлично. Очень обрадовался, узнав, что Джевдет работает над новой патриотической оперой, я думаю, к моему приезду она уже будет поставлена на сцене.

Обрадовался, что от некоторых моих племянников и двоюродных братьев, находящихся на фронтах, имеются известия, и жаль, что от детей Абдул-Керима нет никаких известий. Рад, что Сурайя и Мустафа живут хорошо, а детишки растут, с какой радостью я их расцеловал бы. Жаль, что Юзика нет в Баку, но я думаю, к моему приезду вы его привезёте в Баку. И, конечно, папа, я не мог удержаться, чтоб не засмеяться (вы, конечно, меня простите), прочитав в Вашем письме о Ваших планах насчёт моей женитьбы, это Ваше новое увлечение, я уверен в этом, скоро пройдёт, Вы, конечно, не обижайтесь. Приеду, и тогда увидим, как построить свою дальнейшую жизнь.

Что ж касается посылок, то их навряд ли теперь разыщешь, мне только жаль, что ваши хлопоты в отношении их пропали даром. Из всех предметов я только пожалел насчёт бутылки коньяка и говурга.

Приеду я в Баку, очевидно, не раньше начала или середины июля месяца, так как я должен пройти комиссию и оформить все необходимые документы.

Пока, всего хорошего, целую всех

Ваш сын Энвер

Казань 21, часть 70, 1-ое отделение

Письмо Энвера матери, Заиде-ханым

3/VI-43

Sevgilim anam!

Bu məktubla özümün sağ və səlamət olduğumu sizə bildirirəm. Haman məktubu sizə təqdim edən bənimplə burada yatan yoldaş Paşayev mənim halımdan sizə məlumat verər.

Sizə keçmiş ayda yazdığım məktublarda mənə operasiya olunduğunu xəbər etdim. İmdi özümü yaxşı hiss edirəm. Sizdən cəmisi bir teleqrama, bir otkritka və, atam yazan, məktubu almışam. Sizin məktublarımız bir aya gəlib çatır.

Hələlik bu qədər. Hamıya bəndən salam. Uşaqları çox-çox öpürəm. İyul ayının ortalarında məni gözləyin.

Oğlun Ənvər.

Перевод:

Любимая мама!

Этим письмом я сообщаю вам, что жив и здоров. Сведения о моём здоровье сообщит вам товарищ Пашаев, принёсший вам письмо и находившийся на излечении вместе со мной. В письмах, отправленных вам в прошлом месяце, я сообщал о моей операции. Сейчас я чувствую себя хорошо. От вас я получил всего одну телеграмму, открытку и письмо от папы. Ваши письма доходят за месяц.

На этом закругляюсь, пока. Всем от меня привет.

Крепко-крепко целую детишек. Ждите меня в середине июля.

А вот и последнее письмо из госпиталя, переданное с оказией:

6 июля 43. Казань.

Здравствуйте, мои дорогие!

Это письмо передаст вам тов.Петраковский, который лечился со мной в одном госпитале. От вас давно не имею писем: всего получил одну открытку от мамы и письмо от папы. Я скоро также приеду.

Возможно, даже раньше, чем писал вам в последней открытке: а именно – в первой половине августа.

Пока, всего хорошего, целую всех

Энвер

Это было последнее письмо из казанского госпиталя, так как в августе 1943 года демобилизованный и комиссованный красноармеец возвращался домой, в родной Баку.

Из Казани Энвер по Волге прибыл в Астрахань, оттуда по Каспию – в Баку, как и предполагал Исмаил-ага, прокладывая на карте Советского Союза маршрут возвращения сына.

В морском порту к приходу парохода с ранеными и направлявшимися на излечение домой дежурили санитарные машины, развозившие раненых по госпиталям, а бакинцев – по их бакинским адресам.

Часть2. А жизнь всё-таки удалась

Продолжение следует....
